

— И правда неплохо, продолжайте танцевать.

Цин лежала на кушетке, с ленивым выражением лица наблюдая за танцем разнообразных красавиц в комнате, а 001, уже давно принявший человеческий облик, прислуживал ей рядом.

Рукава красавиц взмывали в воздухе, поднимая ароматический вихрь, вокруг витали благовония их одежд и нежный запах тел. Тонкие, гибкие станы стояли изящно и прямо, словно алые лотосы, покачивающиеся в осеннем тумане. Тела и руки плавно двигались, напоминая легкие облака, только что согнанные ветром с горных вершин, или нежные ивовые ветви при внезапном дуновении свежего ветерка, склоняющиеся над прудом и отражающиеся в воде. Красавицы изо всех сил старались двигаться в танце, каждая желала угодить Цин и заслужить её благосклонность.

Получив похвалу, девушки затанцевали еще усерднее, и весь Павильон Облаков казался теперь не иначе как гаремом Цин.

Руки 001 не знали отдыха — он непременно очищал одну личи за другой. Эти фрукты Сы Тинмо велел прислать через Ань И сразу же, как узнал, что Цин любит их есть.

Цин немного пресытилась, подняла свою белоснежную руку, показывая 001, чтобы он больше не чистил. 001 послушно отложил личи, которые держал в руках, и небрежно бросил их в сторону. То, о чем другие могли лишь мечтать, здесь, у Цин, превратилось в уже надоевшую и ненужную вещицу.

— Цинцин, чего еще тебе хочется поесть? — мягко массируя плечи Цин, спросил 001.

Ощущая силу в плечах, Цин почувствовала легкую сонливость. Она прикрыла рот, зевнула и махнула рукой:

— Хочу... съесть леденцы на палочке из боярышника. 001, сходишь купить для меня?

Услышав это, 001 прервал свои действия, кивнул, а в его глазах читалось бесконечное балование Цин:

— Хорошо, тогда Цинцин подожди меня немного, я мигом вернусь.

— Ну всё, ступайте все. Хунъяо, останься почитать мне сказку.

Красавицы втайне досадовали, почему сегодня выбрали не их. Хунъяо же выпала такая удача, и, особенно видя её самодовольный взгляд, остальные испытывали жгучую зависть. Но как бы ни было обидно, им оставалось лишь послушно удалиться: в Павильоне Облаков каждый прекрасно знал нрав Цин, и злить её никому не хотелось.

Хунъяо послушно взяла со стола книжку со сказаниями и принялась читать мягким голосом, то и дело бросая взгляд на засыпающую на кушетке Цин. Четыре слова — нежная романтическая привязанность — как нельзя лучше подходили к царившей в этот момент обстановке.

Происхождение Хунъяо было удивительным и загадочным: никто не знал, как именно она попала в Павильон Облаков, кроме старой содержательницы. Единственное, в чем все были уверены, — это то, что Хунъяо и они принадлежали к разным мирам.

— Хунъяо, когда ты собираешься привести в исполнение свой план мести?

Внезапные слова Цин заставили руку Хунъяо, переворачивавшую страницу, замереть.

— Откуда Цинцин знает?

— Ты появилась в слишком уж подходящий момент. Время твоего появления в Павильоне Облаков совпало с гибелью государства Линъюнь и разрушением твоего дома. Кроме того, судя по мозолям на твоих руках, раньше ты, должно быть, была человеком из Поместья генерала. Глядя на твою гордую осанку, я предполагаю, что ты — законнорожденная дочь генерала. И самое главное: в следующий раз будь осторожнее, когда передаешь весточки, я всё видела.

Цин слегка покачивала в руке складной веер, а её взгляд оставался неизменно спокойным. Хунъяо издала насмешливый звук, её глаза стали игривыми, и она медленно вытащила из-за пояса кинжал. В одно мгновение атмосфера стала предельно опасной. Подойдя к Цин и на редкость наивно улыбаясь, она произнесла:

— Говоришь такое и совсем не боишься, что я тебя убью?

Цин продолжала легко обмахиваться веером и покачала головой, её лицо от начала и до конца не изменилось ни на йоту:

— Ты не сделаешь этого.

Уверенный тон заставил Хунъяо громко рассмеяться. Сразу после этого она убрала кинжал, а её взгляд на Цин стал таким, каким смотрят на самого любимого человека — полным печали и нежности:

— Да уж. Разве я смогла бы найти в себе силы убить ту, что люблю больше всего? Даже если я умру, я... ни за что не позволю причинить тебе хоть малейший вред.

— Цинцин, подожди еще немного, скоро я преподнесу тебе императорский трон на ладони. Подожди меня еще чуть-чуть.

Хуньяо опустилась на колени рядом с Цин, прижалась к ее груди и крепко обняла за талию:

— Мне больше ничего не нужно, мне нужна только ты, хорошо?

Цин продолжала нежно гладить ее по волосам и тихо прошептала в ответ:

— Хорошо.

Хуньяо утопала в ее сиюминутной нежности. Если бы она подняла голову в этот момент, то заметила бы, что взгляд Цин оставался всё таким же холодным и отстраненным.

Ночной лунный свет сегодня прекрасен, но все равно не сравнится с твоей красотой.

Сы Тинмо с замиранием сердца смотрел на портрет, лежавший на письменном столе. Он написал его собственной рукой, но всегда чувствовал, что не способен передать и сотую долю ее неповторимого очарования. Впрочем, это было лишь утешением для него в минуты скуки.

— Ванье, всё готово, — неизвестно откуда появившийся Ань И почтительно опустил на колено.

Сы Тинмо услышал это, поднял глаза и бросил на него взгляд:

— Ступай и передай министру военных дел, чтобы готовился. Что касается Хуньяо...

Сы Тинмо сделал жест, означавший не оставлять в живых никого: она больше не представляла никакой ценности.

Ань И привычно отдал приказ. Пробыв рядом с ванье столь долго, он давно изучил его привычки, и с самого начала было ясно, что связь Хуньяо с ним — не более чем игра с тигром.

Сы Тинмо бережно свернул свиток. Цинцин, скоро я сделаю тебя самой величественной женщиной в Поднебесной, и тогда я смогу дать тебе всё, чего бы ты ни пожелала.

Раньше он был самым любимым сыном покойного императора и самым выдающимся среди всех принцев. Он родился от законной жены, а его матерью была сама императрица. Своим талантом, стратегическим умом и происхождением он намного превосходил нынешнего императора. Что же касается того, почему он не занял императорский трон, — он сам брезговал этим местом. Перед смертью отца он прямо отказался от престола, и тогда императором сделали третьего принца. Но реальная власть по-прежнему принадлежала ему в полной мере. Настоящим хозяином этой страны был он, а император являлся лишь марионеткой. Встретив Цинцин и желая обеспечить ей лучшую жизнь, он баловал ее так, что она могла бы достать звезды с неба, и решил, что пришло время вернуть то, что изначально

принадлежало ему по праву.

Цин открыла окно своей комнаты и любовалась луной в небе. 001, которое всегда находилось рядом с ней, но от которого ничего нельзя было скрыть, заговорило тоном, сообщающим какие-то сплетни, и произвело на свет слова, от которых кровь стыла в жилах:

— Цинцин, Хунъяо скоро умрет.

В его голосе не было ни капли сочувствия. Его волновала только Цинцин, а к людям, не имеющим к ней отношения, оно не испытывало никакого жалостливого чувства, ярко демонстрируя всю холодность и безжалостность системной природы.

Цин едва заметно кивнула. Она вспомнила того мужчину, которого встретила прошлой ночью во время прогулки на лодке. После смерти Хунъяо для него настанет самое подходящее время.

001 продолжило читать Цин нравившееся ей сказание, и этот вопрос был исчерпан. Здесь никто не стал бы горевать или сочувствовать смерти Хунъяо.

Ань И, уже давно пришедший в Павильон Облаков, стоял на крыше и отрешенно смотрел на окно комнаты Цин. Он колебался, страшась, что если Цин узнает, будто это он убил Хунъяо, то возненавидит его.

Мысли Ань И давно были полностью заняты Цин, и в этом заключалась его смертельная слабость. Для скрытного стража-анима ничто не было столь недопустимым, как поддаться чувствам.

Ань И стер с лица все сложные эмоции, возвратившись к своему обычному облику. А Хунъяо уже давным-давно ждала его.

— Сы Тинмо все-таки хочет меня убить.

Хунъяо предвидела свой конец с самого начала, как только вступила в сговор с Сы Тинмо. У нее не было выбора: пытаться в одиночку отомстить за всех — чистой воды безумие. Заключая союз с ним, она ставила на кон собственную жизнь. Единственным ее сожалением на данный момент оставалось лишь то, что она обещала преподнести Цинцин императорский трон, но нарушила свое слово.

— Тебе пора в путь.

Напоследок Хунъяо решила сохранить хотя бы крохи собственного достоинства:

— Я приняла яд. Когда я умру, отправь мое тело в мои родные края. И еще... передай от меня

Цинцин одну вещь: пусть в следующей жизни я перерожусь мужчиной, дай мне шанс, хорошо?

Ань И молча кивнул. Она была женщиной, заслуживающей глубокого уважения, обладавшей нестигаемым внутренним стержнем, которым порой не обладали даже мужчины.

<http://bllate.org/book/21565/2220391>